

**«ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ» А. С. ПУШКИНА: ЭПИЗОД В КАЛМЫЦКОЙ КИБИТКЕ
(ИЗ МАТЕРИАЛОВ К КОММЕНТАРИЮ)**

**"Travel Notes" by A. S. Pushkin: an Episode in the Kalmyk Kibitka
(from the materials to the commentary)**

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Manuscript, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье предлагается комментарий историко-литературного, социально-исторического и историко-бытового (этнографического) характера к эпизоду посещения калмыцкой кибитки из «путевых записок», которые А. С. Пушкин вел во время поездки на Кавказ и Закавказье весной–летом 1829 года.

Ключевые слова: Пушкин, путешествие, «путевые записки», Восток, контекст свободы, калмыцкий чай, калмычка, нравственные качества.

Asia and the East in the European part of the Russian Empire were re-opened to Alexander Pushkin during his journey to the Caucasus and Transcaucasia in 1829, to the war of front-line forces with the Ottoman Empire. The article contains a commentary of historical and literary, socio-historical and ethnographic character to the episode of poet's visiting the Kalmyk kibitka (nomad tent) taken from "Travel Notes" the poet kept during the trip.

Keywords: Pushkin, journey, «Travel notes», the East, the context of freedom, Kalmyk tea, Kalmyk maiden, moral qualities.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее — леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности (*végétations*); показываются птицы, неведомые в наших дубравах; орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу и спокойно смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых

Гордо бродят табуны —

кочующие кибитки полудиких племен начинают появляться, оживляя необозримую однообразность степи. Разные народы разные каши варят. Калмыки располагаются около стационарных хат — Татары пасут своих вельблюдов и мы дружески навещаем наших дальних соотечественников.

На днях покамест запрягли мне лошадей, пошел я к калмыцким кибитк<ам> (т. е. круглому плетню крытому шестами, обтянуто<м>у белым войлоком, с отверстием сверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство; котел варился по середине и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень не дурная, шила курия табак. Лицо смуглое, темно румяное. Багровые губки, зубы жемчужные — Замечу, что порода калмыков начинает изменяться — и первобытные черты их лица мало по малу исчезают — Я сел подле нее. Как тебя зовут? — — — сколько тебе лет? — десять и восемь — Что ты шьешь? — портка. Кому — себя. Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого б то ни было народу могла произвести чтонибудь гаже. Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться — Я хлебнул стараясь не перевести духа — я просил заесть чемнибудь — мне подали кусочик сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я

думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусийским орудием подобным нашей балалайке — Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — —

(А.С. Пушкин. Путевые записки. 1829; VIII, 1028–1029¹)

По возвращении из михайловской ссылки Пушкин начинает постепенно ощущать двусмысленность своего положения первого поэта России, личным цензором которого объявил себя сам царь. С начала 1827 до середины 1828 гг. тянется дело о стихотворении «Андрей Шенье», в результате которого над поэтом вновь учрежден секретный надзор. А сразу вслед за ним началось чреватое более серьезными последствиями дело о «кошунственной» поэме «Гавриилиада». Время, когда ссыльный скиталец рвался в Петербург, сменилось временем, когда он рвется прочь из душной атмосферы Петербурга, — совсем как сказано в давнем письме брату: «...взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж» (Л. С. Пушкину, январь — начало февраля 1824 г. Из Одессы в Петербург; XIII, 86).

14 апреля 1828 г. был объявлен манифест Николая I о войне с Турцией. «Турку воевали» на двух фронтах — за Дунаем на Балканах и в Закавказье. В это время Пушкин предпринимает ряд попыток уехать в длительное и дальнее путешествие. Просьбы разрешить ему поездку в действующую армию на дунайский фронт или за границу —

К подножию ль стены далекого Китая,

В кипящий ли Париж...

Повсюду я готов. Поедем... —

(Элегический отрывок. 1829; III, 191) встречают отказ. Год спустя, 9 марта 1829 г., уже не испрашивая никаких разрешений, а просто «по праву вольности дворянской», Пушкин «сел в коляску» и выехал из Петербурга на Кавказ и в Закавказье — на театр военных действий. По пути заехал в Москву, где его ожидало важнейшее дело личного

характера — сватовство к Н. Н. Гончаровой, которое он поручил графу Ф. И. Толстому (Американцу). Не получив ни формального согласия на брак, ни прямого отказа, 1 мая 1829 г., незадолго до своего тридцатилетия, Пушкин пустился в дальнейший путь в край романтических воспоминаний.

На Кавказском фронте он рассчитывал встретиться с друзьями и приятелями своей юности — опальными, разжалованными, сосланными под пули и сабельные удары офицерами-декабристами. В Закавказье воевали младший брат поэта, Л. С. Пушкин, младший брат «бесценного друга» лицейских лет, М. И. Пущин, взыскательный друг и собеседник — Н. Н. Раевский-младший, которому посвящена поэма «Кавказский пленник» (1822).

Исследователь отмечает «дилетантский уровень даже тех публикаций» первой половины XIX века, «где рассматривались принципиальные вопросы взаимодействия России и Востока» [Сопленков 2000: 153]. Характер представлений тогдашнего русского общества о мусульманском, в частности, Востоке, этой «геополитической абстракции» [Маркелов 2013: 129], был крайне разноречив — от романтических мифологем и просветительски-культуртрегерских прожектов до склонности «видеть в Азии культурный феномен, для осмысления которого неприменимы европейские категории» [Сопленков 2000: 162]. Своими «южными» поэмами Пушкин стимулировал развитие первых, затем отдал известную дань вторым и, стремительно эволюционируя, способствовал формированию третьего подхода. В путешествии на Восток поэту предстояло уточнить и по его итогам выработать комплекс зревших в его сознании

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, — дополненного к юбилею поэта: В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, кроме передачи черновых вариантов.

Датировки упоминаемых событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям [Летопись 1999; Черейский 1988] и, кроме отдельных случаев, далее специально не оговариваются.

эстетических, историко-культурных, историко-философских и политических идей.

Поездка 1829 года возродила Пушкина. По отношению к ней как духовному событию еще более точным представляется суждение Н. В. Гоголя о первой встрече поэта с этим краем: «Кавказ вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые тяготели на свободных мыслях» [Гоголь 1952: VIII, 51].

Пушкин взял в дорогу тетрадь для записей, которая в описании его рукописей получила название «Арзрумской» (современный шифр — ПД 841). Наряду со стихотворениями, сопутствующими поездке, в нее заносились «путевые записки», как называл их сам автор и в 1829, и в 1835 гг. (VIII, 1027). Этому комплексу записей дневникового, конспективного и тезисного характера исследователь дает определение «кавказский дневник» [Левкович 1983: 15; Левкович 1988: 5].

Данное определение представляется точным в смысле локализации записей: так, первая сделана 15 мая в Георгиевске — т. е. в Предкавказье. Записки, в частности, содержат первоначальный «дневниковый» вариант эпизода посещения калмыцкой кибитки и встречи с калмычкой, который мы привели выше — с его некоторыми характерными подробностями, не вошедшими в текст цикла очерков «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», подготовленный к печати в 1835 г. и опубликованный в пушкинском «Современнике» в январе 1836 г. Изучение несовпадения текстов «путевых записок» и «Путешествия» [см.: Тынянов 1968] по их составу, функциональным особенностям и художественному своеобразием не является задачей данной работы. В предлагаемом далее комментарии мы исходим из того, что дорожные записи в Арзрумской тетради «нельзя рассматривать как заготовки для еще не родившегося замысла “Путешествия в Арзрум”» [Левкович 1983: 18].

...орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу...

...орлы... — В 1784 г. по запросу тогдашнего правительства от калмыцких владельцев (нойонов) были записаны сведения об их кочевьях, в 1923 г. профессором Н. Н. Пальмовым составленные в единое описание Калмыцкой «кочующей степи» [Пальмов 2007: 27]. На вопрос: «Какие во-

дятся птицы и нет ли каких особых родов...», — Малодербетовский Ценден-Дорджи представил перечень птиц в своих кочевьях «по речкам, протекающим из Дону» [Пальмов 2007: 29], в числе которых назвал орла-могильника [Пальмов 2007: 38].

... сидят на кочках, означающих большую дорогу... — И. В. Борисенко приводит описание Черкасского пути, данное историком Войска Донского В. Б. Броневским в 1834 г.: «...вместо верстовых столбов по обе стороны дороги саженой через пятьдесят насыпают из земли курганы, а местами из камня сложены конусы...» [Борисенко 1981: 54, 60].

Кобылиц неукротимых... табуны — Здесь Пушкин цитирует двестише (ст. 67–68) из «думы» К. Ф. Рылеева «Петр Великий в Острогжске» (1823) [Рылеев 1975: 83], несомненно, вспоминая ему на пути из Воронежа, неподалеку от которого происходили описываемые поэтом-декабристом события. В письме к К. Ф. Рылееву Пушкин выделил из огромного цикла лишь названную «думу», заметив, что ее «окончательные строфы <...> чрезвычайно оригинальны» (от второй половины мая, из Михайловского; XIII, 175).

Комментируемый фрагмент, кроме природных и историко-литературных реалий, насыщен и символично-поэтическими образами. Символический подтекст формирует контекст отрывка как контекст свободы. Стихи казненного за свободу Рылеева, чье имя осталось неназванным, но должно было узнаваться читателем безошибочно, многократно усиливали звучание темы свободы в ее поэтических «атрибутах» — образах свободных, как степи, орлов и табунов «кобылиц неукротимых».

По мере сюжетного движения «путевых записок» к эпизоду посещения калмыцкой кибитки эти символы свободы, сливаясь с образом калмычки, художественно завершают контекст, в котором степная «гордая красавица» предстанет как «натура равная самой себе при всех обстоятельствах, натура спокойная и вольная» [Эйдельман 1984: 247]. Спустя три года поэтическая формула свободы как природной воли уместится у Пушкина в одной строке:

...ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона
(<Езерский> 1832; V, 102).

Калмыки располагаются около станционных хат — На пути от Новочеркасска до

Владикавказ, когда в Арзрумскую тетрадь были записаны комментируемый текст, черновой, затем перебеленный текст послания «Калмычке» [см.: Кичикова 2015, 2015 а, 2015 б, 2015 в], Пушкин проезжал кочевья калмыков донских [см.: Пальмов 2007: 213–261] и терских [см.: Пальмов 2007: 213–261; Шовунов 1992: 59–64, 171–180].

Член Географического общества СССР, историк из Калмыкии И. В. Борисенко установил, что: «поиск места встречи поэта с калмыками в 1829 году должен проходить на участке Кавказского тракта от Новочеркасска до Ставрополя протяженностью в 340 верст»; «на пути следования поэта располагались кочевья калмыков Войска Донского и Большедербетовского улуса на территории Кавказской области. Места для кочевий Большого Дербета были установлены в 1815–1816 годах»; «Калмыки Дона, будучи казаками, в первой половине XIX века не перешли на станичное поселение, а разделенные с 1806 года на три улуса, сотни и хотоны продолжали кочевать в Задонской степи (по левую сторону Дона от Кагальника до Сала)». По предположению историка, встреча поэта с калмыками и «произошла в кочевье. Им могли быть летние пастбища калмыцких сотен (Эркетеневская, Бембедякин, Бултуковская, Батлаевская) Нижнего улуса, по которым пролегал Черкасский путь на расстоянии более 50 верст в промежутках почтовых станций: Кагальницкая, Мечетинская, Егорлыкская, расположенных вблизи казачьих станиц».

Исследователь делает убедительный на сегодня, за отсутствием иных аргументов 35-летней давности, вывод о том, что «получасовая встреча Пушкина с калмыками в 1829 году произошла на Черкасском тракте в кочевьях Нижнего улуса донских калмыков при проезде поэта через почтовые станции: Кагальницкую, Мечетинскую, Егорлыкскую», предполагая место встречи «у станции Кагальницкой, у современной станции Кагальницкой Зерноградского района Ростовской области» [Борисенко 1981: 53, 54, 55, 57, 59].

Калмыки располагаются... — Современные исследователи выявляют приоритеты подобного расположения: «В отличие от традиционных путей (круговых) <...>, дорога, уходящая вдаль линейно, <...> имеет в калмыцкой традиционной культуре отрицательные характеристики. До настоящего

времени сохраняется память о необходимости расположения жилища вдалеке от дороги. <...> В случае вынужденного нарушения запрета на расселение у дороги калмыки располагали хотон около тракта, но кибитки ставили так, чтобы дорога не была видна через дверь» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 63–64].

Татары ... — Возможно, речь идет о ногайцах и кара-ногайцах.

На днях... пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню крытому шестами, обнято <м>у белым войлоком, с отверстием вверху). — Это описание калмыцкой юрты, в «конструктивном» смысле более полное и точное по сравнению с тем, которое представлено в тексте «Путешествия в Арзрум...», свидетельствует не только о замечательной наблюдательности Пушкина, но и о его памяти, восстанавливающей впечатление девятилетней давности.

В калмыцких юртах, вместе с семейством генерала Н. Н. Раевского, поэт прожил с 3 по 26 июля 1820 года, принимая лечение в Пятигорье на кавказских «горячих серных, кислых и железистых водах» — в нынешнем Железноводске [Летопись 1999 – I, 182–183]. Прославленный герой войны 1812 года писал старшей дочери Екатерине о житье на водах в небольшой долине, «в которой все селение расположено на две улицы; я приметил до 60 домов, домиков и лачужек, и как сего недостаточно для приезжающих, то нанимают калмыцкие кибитки, палатки и располагаются лагерями, где кому полюбится, и как будто поддельваются нестройной здесь природе», — отмечая «смесь калмыков, черкес, татар, здешних казаков, здешних жителей и приезжих» [цит. по: Жизнь Пушкина 1987: I, 338]. В другом письме: «6 июля Железные воды бештовые. <...> Здесь мы в лагере как цыгане, на половине высокой горы. 10 калмыцких кибиток, 30 солдат, 30 казаков <...> Места так мало, что 100 шагов сделать негде — или лезть в пропасть или лезть на стену» [цит. по: Жизнь Пушкина 1987: I, 339].

Те же сведения приводит и В. З. Церенов, с одним существенным уточнением: «В 1811 г. власти обязали калмыцкие улусы ежегодно выставлять на лето к Кислым и Горячим водам по сто юрт с „людьми, умеющими их разбивать“. В Горячеводской долине и у Кислого колодца в летние месяцы возникали целые лагеря из калмыцких юрт, хозяева которых обычно располага-

лись здесь же, за линией охраны» [Церенов 2012: 17]. В своей книге очерков литератор из Калмыкии помещает и широко известный рисунок из альбома Н. Н. Раевского-младшего со спящим спиной ко входу в юрту человеком с котенком у колен (1820); решетки (теремы) и часть свода купола (шесть-унины) юрты прорисованы тщательно. Предположению же о том, что на рисунке изображен именно Пушкин [Церенов 2012: 20–21], суждено остаться в области предположений.

...обтянутому белым войлоком... — Здесь мы, возможно, встречаем некий социально-этнографический сюжет. «Сборно-разборное жилище калмыков *шкэ гер* в традиционной культуре имело определенную цветовую символику. <...> *Цаһан гер* — „белая юрта, кибитка” — как правило, жилище представителей высших слоев общества» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 40]. Русский этнограф пояснял, что «белыми кошмами кроются лишь редкие кибитки, главным образом — кибитки духовенства, кибитки состоятельных людей и еще кибитки „новые”, т. е. новобрачных», однако «новая кибитка есть лишь отдельная единица бытовая, но не хозяйственная <...> невестка с четвертого дня отправляется уже в кибитку отца мужа работать, и здесь же она и ее муж имеют и стол. Так что кибитка отца <...> является центром для всех кибиток семьи: в ней происходит работа женщин, в ней готовится пища для всех кибиток семьи, из нее же исходят распоряжения по всему хозяйству» [Житецкий 1893: 4, 34].

С учетом сакрально-социальной семантики белого цвета у монголоязычных народов [Жуковская 1988: 158–160] можно предположить, что генерала Н. Н. Раевского и его спутников, в том числе Пушкина, как и других офицеров и дворян, лечившихся на Кавказских Минеральных Водах в 1820 году, с почтением поселили в кибитках белого цвета.

Спустя девять лет, «наметанным глазом» выделив белую кибитку у Черкасского тракта, Пушкин направился к ней и попал, таким образом, в жилище не просто главы семейства, что подтверждается словами: *В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство*, — но, скорее всего, побывал в гостях у главы кочевья — родовитого или знатного калмыка.

...кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. — **Орловский** Алек-

сандр Осипович (1777–1832) — художник-баталист и жанровый живописец, литограф, с 1809 г. академик Академии художеств, родом поляк. Петербургский знакомый Пушкина, упомянувшего «быстрый карандаш» Орловского во второй песни поэмы «Руслан и Людмила» (1821). Кони — в сражении, на свободе — постоянный объект зарисовок влюбленного в них художника. Знатоку «калмыцкой» темы в русской живописи, И. В. Борисенко отмечает: «В Государственном Русском музее хранятся рисунки Орловского «Два калмыка верхом», «Калмыки верхом» и в Национальном музее г. Варшавы «Два всадника калмыка», «Калмыцкий всадник в меховом кафтане»» [Борисенко 1981: 51].

Молодая калмычка, собой не дурная, шла куря табак. — До замужества калмычки не курили и не жевали табак. Следовательно, в эпизоде речь идет о молодой замужней женщине, статус которой определяет до мелочей все ее поведение, как явствует из дальнейшего описания.

Лицо смуглое, темно румяное. Багровые губки, зубы жемчужные... — В этом описании внешности, по-видимому, действительно красивой калмычки развернут предыдущий тезис: *собой очень не дурная* — что объясняет последующие «любезности» путешественника. Возможно, что оно не вошло в текст «Путешествия в Арзрум...» из-за банальности стиля второй фразы (хотя эпитет *багровые* точно передает оттенок цвета губ на смуглом лице; если бы речь шла о блондинке, банальное описание удовлетворилось бы эпитетом «розовые/коралловые»), а также из соображений лаконизма, диктующего стремительный ритм прозы «Путешествия». Автор здесь руководствуется теми соображениями, которые были им изложены двумя годами ранее: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (Отрывки из писем, мысли и замечания. 1827; XI, 52).

Замечу, что порода калмыков начинает изменяться — и первобытные черты их лица мало по малу исчезают — Это замечание не вошло в текст «Путешествия в Арзрум...», возможно, как мало приличествующее образу просвещенного и гуманно настроенного путешественника, «друга человечества», дворянского интеллигента, который создается, начиная с данного эпи-

зода (ср. выше: ... мы дружески навещаем наших дальних соотечественников). Кроме того, это замечание не отвечает требованиям исторической точности, которым Пушкин стремился следовать задолго до непосредственных занятий в области истории: ведь он не мог «самолично» наблюдать изменение *первобытных черт*, для чего потребовалась бы жизнь нескольких поколений.

Голос ее был чрезвычайно приятен. — Эта фраза объясняет очарование встреченной поэтом молодой калмычки: для него звуки мелодического женского голоса обладали неизъяснимой притягательностью и были неотъемлемой частью полноты бытия и красоты мира. К сожалению, эта существенная подробность тоже исчезла из текста комментируемого эпизода в редакции «Путешествия в Арзрум».

А. П. Керн оставила драгоценное свидетельство о впечатлении, которое производил на окружающих голос самого поэта: «... он имел *голос* певучий, мелодический, и как он говорит про Овидия в своих *Цыганах*:

И голос шуму вод подобный» [Керн 1989: 33].

Она подала мне свою трубку... — В соответствии с этикетом и священными законами гостеприимства, у калмыков прежде младший член семьи подавал гостю раскуренную трубку, теперь же обязательно подают чай, затем — мясное блюдо.

Поцалуй меня. — *Невозможно, стыдно.* — Нам уже приходилось комментировать этот главный момент диалога поэта с калмычкой, выявляя его связи со сценой прощания Онегина и Татьяны в VIII главе пушкинского романа в стихах [Кичикова 2015б: 172].

Нравственные качества калмычек вызвали восхищение русских этнографов и историков. «К качествам калмычек как хозяйек необходимо добавить, что они вообще отличаются редким у других наших инородцев целомудрием. <...> О девическом целомудрии и стыдливости нечего и говорить. Оно, если так можно выразиться, образцово» [Дуброва 1998: 52–53]. «Мораль женщины калмычки — высокая мораль, и она, как воспитательница, дает детям безусловно твердые устои нравственности, идеи правды, добра, верности долгу, беззаветной покорности и стоической выносливости» [Прозрителев 1912:9].

В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого бы то ни было народа могла произвести что нибудь гаже. — Русские этнографы неизменно обращали внимание на этот напиток, традиционный для калмыков, монголов, народов Саяно-Алтайского нагорья и Тибета. Обстоятельное описание рецепта калмыцкого чая содержится в трудах И. А. Житецкого [1893: 15], Я. П. Дубровы, который счел нужным пояснить: «Чай калмыцкий, в существе дела, есть не напиток, а пища, к тому же довольно сытная и своеобразно вкусная, если хорошо приготовлена. К употреблению его привыкли не только наши крестьяне, но и деревенская «интеллигенция», сиречь купцы, писаря и духовенство» [Дуброва 1998: 50]. О распространенности напитка в другой этнической среде второй половины XIX века свидетельствует П. Смирнов: «Надобно отдать предпочтение степным калмыкам: они готовят кирпичный чай гораздо лучше русских и татар!» [Смирнов 1999: 61].

...мне подали кусочек сушеной кобылятины... — «Прием» в калмыцкой кибитке состоялся незадолго до 15 мая 1829 г.; в кушанье использован традиционный способ сохранения мясных продуктов в жаркое время года [см.: Житецкий 1893: 16].

Эпизод угощения русского поэта калмыками получил развернутый комментарий в работе широко известного историка кулинарной культуры. В. В. Похлебкин заметил, что присущий Пушкину «кулинарный космополитизм» в данном случае «имел все же границы», поясняя: «До тех пор пока любая национальная кухня напоминала своей вкусовой гаммой европейскую или русскую, Пушкин воспринимал ее без всяких предубеждений, но как только те или иные блюда выходили за рамки традиционного вкуса и казались либо слишком пресными, либо слишком необычными по составу компонентов, то тут поэт занимал такую же позицию неприятия или непонимания, как и всякий обычный русский человек.

Пушкин еще мог смириться с вяленой кониной, высококачественным сырокопченым изделием калмыков, казахов, киргизов и других степных народов, поскольку она представляла собой естественный, свежий, отличной сохранности продукт, но совершенно не мог вынести калмыцкого чая — кирпичного чая, сваренного в воде с молоком и со сливочным маслом, солью и перцем. Ему даже показалось, что этот чай был

с ...бараньим жиром, и он так ошибочно и записал в своих заметках. На самом деле это должно было быть, и несомненно было, сливочное масло из молока коров либо яков, но только никак не баранье сало, что просто технологически невозможно. Пушкину калмыцкий чай не понравился. <...> И эта реакция отчасти понятна: вкус калмыцкого чая весьма своеобразен. Необходимо два-три раза кряду, ежедневно, попробовать его, чтобы раскусить, привыкнуть и пристраститься. У Пушкина же не хватило духу и на один раз: он просто проглотил со страха всю порцию, так и не распробовав вкуса, пораженный неприятно непривычным запахом этого чая» [Похлебкин 2002: 182].

Комментарий В. В. Похлебкина можно принять с некоторыми коррективами: калмыцкий чай заправляли бараньим салом не только в старину [Дуброва 1998: 50], иногда его выжарки добавляют в молочный чай и сейчас; яки же не обитают на территории Калмыкии, Задонья и Предкавказья, их разводят в Монголии и в Тибете.

...я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусийским орудием подобным нашей балалайке... — Эта «жанровая сценка» сопровождает последнюю часть диалога: *Поцалуй меня — Невозжна, стыдно*. Иронический характер описания призван подчеркнуть не только бытовую, но и литературную распространенность ситуации «залетного» путешественника, вздумавшего «приволокнуться» за прелестной и, как он полагает, доступной обитательницей почтовой станции. Сатирический вариант ее представлен в антикрепостническом «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских развращенных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия» (1790) [Радищев 1971: 466]. И Пушкин — «вослед Радищеву» — шутливо предостерегает приятеля:

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю купи баранок
И скорее поезжай!
(Из письма С.А. Соболевскому.
От 9 ноября 1826 г. Из Михайловского
в Петербург; XIII, 303).

А через год после арзрумской поездки восславит внезапно вспыхнувшую и преодолевшую все преграды любовь мимолетного путешественника к юной красавице, прозябающей на почтовой станции, — в знаменитой болдинской повести «Станционный смотритель».

Молодая калмычка с достоинством отвечает на просьбу путешественника о поцелуе: *Не можна, стыдно*, — а его более настойчивые притязания «парирует действием» со всей непосредственностью дочери степей. Удар по голове *мусийским орудием* (домброй) — комическая развязка маленького дорожного приключения, которое явно надолго запомнится русскому поэту. Именно эта развязка и подразумевается в словах: *Калмыцкая любезность мне надоела*, — с которыми напрямую перекликается начало стихотворения: *«Прощай любезная калмычка!»*. Здесь слово *любезная* получает остро иронический смысл, а само послание «Калмычке» поэт предполагал включить в текст «путевых записок». Этому же эпизоду неявно и по контрасту соответствует следующее далее рассуждение об «осетинцах»: «Осетинцы самое бедное племя из племен обитающих Кавказ — женщины их прекрасны и как слышно очень благосклонны к путешественникам» (VIII, 1037).

Характерные колебания образа путешественника в эпизоде посещения калмыцкого семейства в его кибитке и встречи с молодой калмычкой (от просвещенного гуманиста до легкомысленного повесы) создают его внутреннее диалектическое единство — единство образа автора путевых записок, которому предстоит слиться с биографическим образом поэта Александра Пушкина в объективном полифоническом повествовании «Путешествия в Арзрум...».

«Детское, непосредственное начало, всегда присутствующее в великом поэте, неожиданным образом открывает ему многое в других детях — первобытных племенах и народностях, вольных полуразбойничьих казачьих ватагах, уходящих в глубину «диких миров», — замечал Н. Я. Эйдельман. — С такими людьми Пушкин легко находит общий язык — достаточно перечитать «Историю Пугачева», «Путешествие в Арзрум», вспомнить о его встречах с цыганами, с „любезной калмычкой”» [Эйдельман 1984: 268].

Источники

- Гоголь Н. В.* Несколько слов о Пушкине (1832) // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.: АН СССР, 1937–1952; т. VIII, 1952. С. 50–55.
- Керн (Маркова–Виноградская) А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка (сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гордина. М.: Правда, 1989. 480 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Т. III. (1, 2) Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
- Т. V. Поэмы. 1825–1833. М.: 1994. 543 с.
- Т. VIII. (1, 2) Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
- Т. XI. Критика и публицистика. 1819–1834. 588 с.
- Т. XIII. Переписка. 1815–1827. М.: 1996. 651 с.
- Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Русская проза XVIII века. М.: Изд-во «Худож. лит.», 1971 (серия «Библиотека всемирной литературы»). С. 399–550.
- Рылеев К. Ф.* Думы / подг. Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1975. (серия «Литературные памятники»). 254 с.

Литература

- Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Борисенко И. В.* О месте встречи А. С. Пушкина с калмыками в 1829 г. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 49–61.
- Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. Т. 1 / сост., вступ. оч-ки и прим. В. В. Кунина. М.: Правда, 1987. 736 с.
- Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 74 с. (репринтное воспроизведение).
- Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит-ры, 1988. 196 с.
- Кичикова Б. А.* «Ты не лепечешь по-французски...» (послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 111–115.
- Кичикова Б. А.* Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015 а. № 2. С. 166–173.
- Кичикова Б. А.* Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015 б. № 3. С. 169–176.
- Кичикова Б. А.* Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Актуальные проблемы современного монголоведения / Сб. науч. трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2015 в. С. 196–204.
- Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.
- Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука. 1983. С. 5–26.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. Т. 1. 1799–1824 / сост. М. А. Цявловский. М.: Слово/Slovo, 1999. 592 с.
- Маркелов Н. В.* Кавказские путешествия Пушкина. Романтизм и реальность. М.: Гелиос АРВ, 2013. 256 с.
- Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыков за период пребывания в пределах России / сост., вст. ст. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Похлебкин В. В.* Из истории русской кулинарной культуры. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. (серия «Классики кулинарного искусства»). 540 с.
- Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмыков. Элиста: Санан, 1990. 144 (I)+28(II)+60 (III)+44(IV)+30(V)+XXXXIII с. (репринтное воспроизведение издания 1912 г.)
- Смирнов П.* Путевые записки по калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.
- Сопленков С. В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 214 с.
- Тынянов Ю. Н.* О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 192–208.
- Церенов В. З.* Счастливый дар. «Калмыцкие нежности» А. С. Пушкина. Элиста: ЗАОР НПП «Джангар», 2012. 128 с.
- Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.
- Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XX вв.) Элиста: Союз казаков Калмыкии. Калмыцкий ин-т обществ. наук, 1992. 320 с.
- Эйдельман Н. Я.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. Монография. М.: Сов. писатель, 1984. 368 с.